

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 100-114
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.100

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

District (Povitovi) Marshals of Volyn Governorate (1797–1831): Arrangement, Staffing and Activities

Andrii E. Lebid ^{a, b, *}, Andrii Shevchuk ^c

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, USA

^c Zhytomyr Ivan Franko State University, Zhytomyr, Ukraine

Abstract

The article deals with the issues connected with the functioning within the framework of the imperial policy of cooperation with the local nobility of the institution of district (povitovyi) marshal in the border Volyn governorate. Based on the analysis of published and archival materials the authors highlighted the main issues related to the processes of organization, staffing and activities of officials. In the times of the Rzeczpospolita, the nobility corporation independently solved its internal life issues, the district (povitovyi) marshal were involved in the organization of the nobility's ruin.

After the incorporation in accordance with the «Institution for the government of the provinces of the Russian Empire» (1775), Catherine the Great introduced the institution of the district (povitovi) marshals of the nobility with constantly revised powers.

The policies of Paul I and Alexander I were more flexible and aimed at establishing themselves in a socio-ethnically complex region. Among other concessions to the nobility, but at the same time maintaining control over the processes in the region, the title of «district (povitovyi) marshal» was restored. The powers of the marshal were retained and elections were held every three years with the approval of the governor. The marshals had to execute the orders of the supreme authority and provincial administrators on the one hand, and to protect the interests of their corporation on the other. Therefore, under the conditions of unpaid work and bureaucratisation of their activities, there was a «chilling effect» for some representatives of the local elite towards elective office.

In an effort to preserve the influence of the nobility in the region, the district (povitovyi) marshal had to carry out instructions from the provincial authorities, persuade the landowners to pay money or maintain postal stations, conduct investigative actions in conflicts, or handle other unrelated matters. At the same time, the nobility, ensuring social stability in the society, understood that without its efforts, the imperial power would replace elected officials with appointed ones and take over.

Keywords: Russian Empire, Volyn governorate, district governor of the nobility, district (povitovyi) marshal, nobility, imperial policy of cooperation with local elite.

1. Введение

Инкорпорация Российской империей территорий Речи Посполитой стала очередным проявлением экспансионистской политики самодержавия. Однако в данном случае имперская власть не могла утверждать, что она выполняет «цивилизаторскую миссию», ведь это были территории шляхетской демократии, нормированной королевской властью, постоянными органами власти и независимым судопроизводством. Правобережное общество самостоятельно решало свои вопросы в

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A. Lebid)

сфере управления и судопроизводства, в то время как верховная власть желала подчинить приобретенные территории для своего усиления, получив новые людские и материальные ресурсы.

В рамках политики инкорпорации Екатерина II начала формирование новых административных и судебных органов, согласно «Учреждению для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г., отбросив многовековой опыт местной шляхты самостоятельно решать собственные проблемы. Политика Павла I и Александра I была более прагматичной: ради поддержки со стороны местной элиты были восстановлены отдельные элементы административной и судебной систем Речи Посполитой. Одним из средств поиска лояльности верховной властью стало введение выборных должностей с прежними названиями: подкомории, хорунжие и т.п.

Одной из таких должностей стал поветовый маршал. Однако возникает вопрос, что это было на самом деле: возвращение к временам Речи Посполитой, сохранение института уездных предводителей дворянства, но с предыдущим названием или абсолютно новая вертикаль власти (губернский маршал – поветовые маршалы), основанная в интересах местного дворянства.

2. Материалы и методы

При подготовке статьи были использованы архивные документы и материалы, хранящиеся, в частности, в фондах Центрального государственного исторического архива Украины (Киев, Украина), Государственного архива Житомирской области (Житомир, Украина), Государственного архива Ровенской области (Ровно, Украина) и др.

Так, в Центральном государственном историческом архиве Украины сконцентрированы документы, освещающие историю Украины периода ее вхождения в состав Литвы и Польши (с XIV до конца XVIII вв.), России (с первой половины XVII в. до Февральской революции 1917 г.). Важное место занимают фонды учреждений Гетманщины (вторая половина XVII – последняя четверть XVIII вв.).

Ценную часть документального собрания ЦГИАК Украины составляют акты книги судебно-административных и сословных учреждений Правобережной Украины – земских, подкоморских, конфедератских судов, магистратов и ратуш. Особенно ценными являются материалы со статистическими данными: многочисленные переписи, реестры, описи, списки.

Вместе с тем были изучены и проанализированы архивные документы Государственного архива Житомирской области, относящиеся к деятельности Волынского губернского правления – фонд № 67, состоящий из 4 350 единиц хранения за период 1796–1919 гг. В частности, в нем содержатся Указы Сената и губернского правления; Циркуляры Министерства внутренних дел, волынского губернатора и губернского правления; протоколы заседаний правления (1796, 1803, 1809, 1817–1818, 1820–1821, 1824–1826, 1846–1848, 1856, 1858, 1872–1873, 1878, 1885, 1910–1911); алфавиты дел губернского правления (1874–1876, 1882, 1887–1897, 1899), обзоры Волынской губернии (1883–1886, 1888–1889, 1891, 1895, 1906) и др. документы.

Фонд № 70, в котором представлены 946 единиц хранения за период 1799–1915 гг., содержит документы по деятельности Канцелярии волынского губернатора. В частности, циркуляры губернатора (1864–1865); объявление министра внутренних дел о порядке расселения иностранных колонистов в Волынской губернии (1817); сведения об иностранцах, проживающих на Волыни (1890, 1903); материалы о польском национально-освободительном движении, в том числе о восстаниях 1830–1831 и 1863–1864 гг.; рапорты уездных исправников; переписка с Министерством просвещения, генерал-губернатором, городничими и уездными предводителями дворянства и др.

Также при подготовке работы были изучены документы и материалы фондов Государственного архива Ровенской области. В частности, фонд № 550 – Острожский подкоморский суд, г. Острог Острожского уезда Волынской губернии, содержащий 12 единиц хранения за период 1810–1823 гг.: указы Волынского губернского правления, протоколы заседаний Острожского подкоморского суда (1815–1816); рапорты судов о получении и исполнении указов Волынского губернского правления; формулярные списки служащих и др.

Также были проанализированы отдельные документы и материалы из Полного собрания законов Российской империи – указы, грамоты, уставы, уложения, манифесты, высочайше утвержденные мнения, постановления, положения, распоряжения, указы и т.д.

Методология исследования базируется на сочетании общенаучных (анализ, синтез, обобщение) и специально-исторических (историко-генетический, историко-системный, историко-типологический, просопографический) методов наравне с принципами историзма, системности, научности, что позволило сосредоточиться на функционировании поветовых маршалов в условиях имперской политики поиска компромисса с местной знатью. Просопографический метод использован для анализа кадрового состава поветовых маршалов Волынской губернии в обозначенный в данном исследовании период.

3. Обсуждение

Процессы устройства, кадрового состава и деятельности института поветовых маршалов Волынской губернии периода имперской политики не нашли должной рефлексии в современной историографии. В то же время жаловаться на недостаток трудов в сфере функционирования уездных

предводителей дворянства довольно трудно, ведь внимание исследователей привлекали условия и особенности их службы. Правда, большинство из них посвящено законодательной базе урегулирования деятельности уездных предводителей дворянства и маршалов, при этом недостаточно использовались архивные материалы.

Причина этого довольно прозаична, ведь часть материалов Государственного архива Житомирской области была утрачена во время Второй мировой войны. С сожалением приходится констатировать, что в фонде 132 (Житомирский уездный предводитель дворянства) осталось два дела (1867 и 1890 гг.), в ф. 135 (Овручский уездный предводитель дворянства) – 12 (1888, 1895–1903 гг.), в ф. 545 (Новоград-Волынский уездный предводитель дворянства) – 1 (1845–1847 гг.).

Не лучшим оказалось положение и с фондами, переданными из Киева: ф. 521 (Радомишльский уездный предводитель дворянства) – 5 (с 1865 г.) и ф. 629 (Бердичевский уездный предводитель дворянства) – 1. Что касается Бердичева, то после второго раздела Речи Посполитой он был включен в состав Волынской губернии как городок Житомирского уезда, в 1844 г. переведен в Махновский уезд Киевской губернии, в следующем году приобретает статус города и в 1846 г. становится центром уезда (Верменич, 2003).

Даже в ф. 332 (Волынский губернский предводитель дворянства) сохранилось четыре единицы хранения 1802–1852 гг. (Рафальский, 2009: 64-65, 94, 109, 113-114, 130). Поэтому информацию о деятельности поветовых маршалов приходилось отыскивать в протоколах заседаний Волынского губернского правления (ф. 67), канцелярии волынского губернатора (ф. 70) и фондах судебных учреждений.

Исследователи досоветского периода прежде всего на основании «Полного собрания законов Российской империи» делали выводы о нецелесообразности имперской политики в западных губерниях. Так, Б. Нольде критиковал Павла I за введение «автономии» в западных губерниях, что проявлялось в восстановлении судов и должностей маршалов для организации выборов на «сеймиках». В то же время он положительно оценивал правление Александра I, который ввел срочность пребывания в должности маршалов, что можно расценивать как свидетельство победы «Учреждений...» 1775 г. над традицией бессрочности, и установил контроль губернаторов за работой маршалов во время работы сеймиков, за пользование кассой и обеспечением выполнения земских повинностей (Нольде, 1911).

А. Романович-Славатинский прослеживает генезис имперской политики в западных губерниях. Если Екатерина II своими «Учреждениями...» 1775 г. стремилась распространить власть и влияние на все части империи, то Павел I критиковался за восстановление речьпосполитских учреждений и судов, в том числе непонятных должностей маршалов, обязанностью которых в свое время было руководство посполитым движением. Введение пожизненной неоплачиваемой должности маршала с не до конца определенными обязанностями раздражали региональную элиту, ведь часто губернское правление стремилось использовать их для проведения различных следственных действий. Оценивая реформы Павла I, исследователь считал, что реставрация и нововведения привели к «большому разладу» и негативным последствиям для края (Романович-Славатинский, 1870: 476, 478-479).

С. Корф негативно оценивал реформы Павла I, объясняя это личными мотивами – сложными отношениями с матерью. Одним из недостатков он считал значительное сокращение роли сословных дворянских органов, которые контролировались губернским правлением. Восстановление же польского языка в судопроизводстве было на руку «польским сепаратистам», которые мечтали о восстановлении «Царства Польского». Оценивая дворянское сословие при Александре I, автор утверждает, что дворянство вернулось на службу, но государственную. Выборная служба перестала его интересовать и интерес к сословному управлению начал падать (Корф, 1906: 220-222, 236, 256, 269).

Советские историки, совершив переворот в исторической науке благодаря массовому привлечению архивных материалов, вынуждены были пользоваться «классовыми» оценками. Так, Н. Ерошкин считал, что «Учреждения...» 1775 г. и жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. укрепили местный государственный аппарат и увеличили значение дворянства в местном управлении и суде. Привлечение местного дворянства к чиновничеству губерний и уездов, согласно реформе 1775 г., укрепляло «самодержавно-дворянскую монархию». Однако имперская политика в конце XVIII в. на правобережных территориях не получила должного рассмотрения (Ерошкин, 1983: 114, 124, 135).

Изменения постсоветского периода дали возможность по-научному изучать институт уездного предводителя дворянства/маршала. В частности, О. Маркевич в ряде своих исследований, посвященных институту предводителей дворянства, акцентирует внимание на полномочиях ученых, согласно законодательным актам Российской империи, отдельно характеризуя взаимоотношения в системе «губернский предводитель дворянства–губернатор» и «губернский предводитель дворянства–уездный чиновник» (Маркевич, 2017: 10-14), и утверждает, что эффективное губернское правление требовало налаженной взаимосвязи между губернатором и губернским предводителем дворянства, и в лице последнего верховной власти удалось совместить выразителя сословных интересов и губернского чиновника (Маркевич, 2018: 105-121).

В. Денисюк обращает внимание на то, что российская власть вынуждена была передать часть своих кадровых функций и обязательств шляхетским собраниям, от которых в определенной степени зависела уездная администрация (Денисюк, 2013: 367-371).

Среди западных авторов прежде всего стоит остановиться на классической работе польских юристов Ю. Бардаха, Б. Леснодорского и М. Петшака, которые утверждали, что в последний период Речи Посполитой на сеймиках имели право голоса землевладельческая шляхта и их сыновья с 18-летнего возраста, а также пожизненные арендаторы при условии уплаты налога установленного размера. Участники сеймика записывались в специальной «земской книге» (Бардах, 1980: 296).

На должность поветовых маршалков обратил внимание и Д. Бовуа. Считая должностных лиц аналогом российских предводителей дворянства, автор акцентирует внимание на их чинах и отмечает важность маршалков при составлении ведомостей землевладельцев, тем самым влияя на состав участников шляхетских выборов. Именно поветовые маршалки несли ответственность за списки, кассу собрания, а также за распределение земских повинностей (Бовуа, 2007: 152, 166).

Т. Эпштейн утверждает, что, по сравнению с другими регионами бывшей Речи Посполитой, положение поляков было наиболее благоприятным. Благодаря «Дворянской грамоте» 1785 г. шляхта имела самоуправление, образование, влияние на судебную и административную власти, а также возможность сделать карьеру на гражданской или военной службе. Шляхетские собрания, которые напоминали речьпосполитские сеймики, избирали чиновников каждые три года, в том числе и поветовых маршалков, функцией которых было ведение шляхетских книг. Автор отмечает бесплатность должностей, поэтому поветовыми маршалками могли быть только состоятельные владельцы (Epsztejn, 2008: 79-106).

Отдельно стоит остановиться на исследованиях имперской политики в регионе. В работах М. Долбилова (Долбилов, 2010: 18), Л. Горизонтова (Горизонтов, 1999: 7-8), А. Капшелера (Капшелер, 2005: 67-68, 70), Т. Снайдера (Снайдер, 2012: 151) аргументированно подчеркивается, что политика верховной власти и местных администраторов в западных губерниях отличалась постоянными поисками компромиссов с местной элитой, мечтавшей о возрождении собственной государственности.

В. Шандра подчеркивает, что местные элиты, которые ценили политические и материальные выгоды своего сословия, войдя в состав Российской империи, не устранились от господства на собственных территориях, а получали его в виде пожалованных императором прав и привилегий (Шандра, 2005: 48).

Э. Таден и М. Таден считают, что Павел I и Александр I в рамках имперской политики сделали ставку на верность России магнатов и помещичьей шляхты. При этом одним из факторов лояльности выступал доступ к черноморской торговле зерном, что стало весомой причиной для польской элиты использовать свои политические, административные и другие социальные навыки для реформирования российского общества XIX в. Фактически Россия не имела достаточных человеческих или институциональных ресурсов, чтобы осуществить быструю административную, социальную и юридическую интеграцию западных губерний (Thaden, 1984: 32-56, 53-55).

Следует отметить, что в выборе методов и подходов данной работы в некотором роде помогли тематически близкие работы С. Дегтярева, И. Кривошеи и др. исследователей (Degtyarev, 2015; Degtyarev, Kryvosheia, 2016). Если подытожить результаты историографического обзора (Degtyarev, 2013; Degtyarev, 2014; Lebid et al., 2019; Lebid et al., 2020a; Lebid et al., 2020b и др.), можно констатировать отсутствие комплексных исследований по функционированию института маршалов в Волынской губернии в конце XVIII – в первой трети XIX вв. Авторы прежде всего сосредоточились на теоретических аспектах его устройства, согласно законодательной базе, не сумев исследовать кадровый состав и практическую деятельность из-за неудовлетворительного состояния соответствующих архивных фондов.

4. Результаты

Институт маршалков в Великом княжестве Литовском, Короне Польской и Речи Посполитой берет начало с XIV в. Маршалки были одной из самых высоких должностей (в Речи Посполитой употреблялся термин «маршалок», в российской делопроизводственной документации «маршал», поэтому мы пользуемся последним). Маршалок Двора был министром его, маршалок большой – первый министр в государстве, маршалок сеймовый руководил работой сейма, маршалок трибунала – возглавлял Главный Литовский трибунал, маршалки большой коронный и надворный с XVI в. были членами Сената. Маршалки возглавляли земские шляхетские сеймики, на которых они избирались (Горбачевский, 1874: 73; Шевченко, 2009: 541).

Заметим, что институт маршалков не нашел должного отражения в Третьем Литовском статуте, хотя детально регламентированы полномочия и требования, например к подкомориям. Хотя в разд. 3 арт. 6 определена работа уездных сеймиков, но отсутствует информация о маршалках. Упоминание об урядниках содержится в разд. 2 арт. 6 в части руководством собранного хорунжим уездного рушения, который доставлял его к воеводе, и в разд. 1 арт. 6, что должностные лица должны нести

ответственность перед судом за свои проступки, не прикрываясь служебными обязанностями (Статути..., 2004: 60, 73, 87).

Отметим постепенную эволюцию в Российской империи института уездных предводителей дворянства. Его появление связано с попытками Екатерины II «европеизировать» Российскую империю. Первое упоминание об этой должности датировано 1766 г., когда во время выборов дворянских депутатов от уездов в «Комиссию для составления проекта нового Уложения» в Москве предлагалось избрать на два года уездных предводителей дворянства. Требования к чиновникам включали сословную принадлежность, обязательное наличие имения в уезде и возрастной ценз (с 30 лет). При этом не играли значения факты пребывания на службе, звания и чины. Новоизбранный предводитель должен был самостоятельно, без губернатора, организовать выборы депутатов, но более важным было замечание, что в течение срока своих полномочий он должен выполнять другие распоряжения верховной власти (ПСЗРИ, 1765–1766. № 12801: 1096–1097). Это позволило И. де Мадариаге утверждать о зарождении дворянской корпоративной организации, хотя негативным она считает выборы чиновника под контролем губернатора и неопределенность функций (Мадариаге, 2002: 454).

О. Маркевич считает, что новосозданный институт оправдал надежды верховной власти, и по указу 1771 г. предводители в уездах переизбирались на постоянной основе (Маркевич, 2017: 10–11).

Окончательное оформление статуса уездных предводителей дворянства в Российской империи произошло в рамках трансформации системы власти. Согласно «Учреждениям...» 1775 г. и «Дворянской грамоты» 1785 г. было установлено избрание уездным дворянством на трехлетний срок и установлен высокий чин для главы дворянской корпорации – надворный советник (7 класс по Табели о рангах).

Происходило уточнение полномочий предводителей, ведь, согласно «Учреждениям...» 1775 г., они председательствовали в дворянской опеке для вдов и малолетних детей (куда также входили уездный судья и его заседатели, что позволяет утверждать о приоритетности в глазах верховной власти органа сословного управления над судебной властью) и при необходимости участвовали в работе приказа общественной опеки. В 1776 г. они были приобщены к процессу проведения рекрутских наборов (ПСЗРИ, 1775–1780. № 14509: 416). В 1785 г. предводителей обязали составлять дворянские родословные книги, оригинал которых передавался губернскому предводителю дворянства (ПСЗРИ, 1775–1780. № 14392; № 16187).

После захвата правобережных территорий в результате второго и третьего разделов Речи Посполитой верховная власть Российской империи отказалась от сохранения речьпосполитских органов управления и суда. В рамках политики унификации началось конституирование власти и судов согласно «Учреждениям...» 1775 г. В Волынском наместничестве, образованном 5 июля 1795 г., имперские учреждения были открыты 6 августа следующего года (ПСЗРИ, 1789–1796. №17512: 940).

С приходом к власти Павла I изменилось отношение к элите западных губерний. Ради ее лояльности верховная власть согласна была пожертвовать отдельными элементами судебной власти, сохранив при этом контроль за судами и восстановив отдельные должности с речьпосполитских времен. Своеобразной площадкой для апробации новой имперской политики стали Лифляндия и Эстляндия, где уже 28 ноября 1796 г. были отменены должности губернского и уездных предводителей дворянства и восстановлены судебные и административные органы, которые были до 1783 г.

В декабре 1796 г. Волынская губерния была отнесена к категории «на особых правах и привилегиях», что означало новую видовую организацию власти (Шандра, 2009: 191–204). Базовым документом, который зафиксировал изменения в системе власти и суда, стали штаты 31 декабря 1796 г., где было отмечено о сохранении должности уездного предводителя дворянства как главы дворянской опеки. При этом стоит подчеркнуть неоплачиваемость должности уездного предводителя, хотя жалованье городничего в губерниях «на особых правах» составляло 450 руб. в год (ПСЗРИ, 1715–1800: 394).

5 февраля 1797 г. политика косвенного управления была продолжена и в аннексированных в 1795 г. империей Курляндии и Пильтенском округе были восстановлены прежние органы управления и суда (ПСЗРИ, 1796–1797. № 17785: 314–316). На следующий день был урегулирован вопрос с губернскими и поветовыми маршалами и хорунжими в западных и левобережных губерниях, которых приказано было избирать согласно речьпосполитским традициям.

Указано, что эти должности вводились вместо уездных предводителей (ПСЗРИ, 1804–1805. № 21176: 153; № 21646: 884). Были предусмотрены число выборных должностных лиц (по одному в уезде), награждение чинами (поветовый маршал – 5-го класса и хорунжий – 7-го) и требование избирать достойных и «заслуженных» должностных лиц (ПСЗРИ, 1796–1797. № 17790: 319). Пытаясь не допустить образования «партий», верховная власть 14 октября 1799 г. запретила проводить выборы в губернских городах, приказав избирать уездных предводителей и депутатов в уездных центрах с последующим одобрением их кандидатур губернатором, что было продублировано указом в Волынском губернском правлении 24 октября 1800 г. (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 15. Арк. 31).

Продолжением стал доклад Сената, одобренный Павлом I 1 ноября 1800 г., подготовленный на основе рапорта управляющего Минской, Волынской и Подольской губерниями графа И. Гудовича, который приводил аргументы о том, что во времена Речи Посполитой не было поветовых маршалов, а значит, и избирать их нужно каждые три года с последующим одобрением императором (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 15. Арк. 88-90).

«Сохранение» речысполитских традиций в выборах и функционировании института поветовых маршалов означало для верховной власти не только компромисс с элитами, но и экономию средств на содержание должностных лиц и обеспечение их канцеляристов. Зато маршалы воспринимали отсылку к традициям как возможность компенсировать финансовые расходы, или скорее потери, с населения.

Ведущую роль в этом плане играла Литовская губерния. В 1804 г. разразился громкий скандал, спровоцированный обращениями в Сенат министров юстиции и внутренних дел о незаконных сборах с помещичьих и казенных крестьян для содержания чиновников и канцеляристов, в Пружанском уезде даже «на стол» маршалу, на наем помещений под присутствия и т.п. Сенат немедленно запретил эти сборы, оставив право на взыскание средств на содержание почт, мостов, дорог, полковых зданий. Действие этого указа было распространено и на остальные западные губернии (ПСЗРИ, 1804–1805. № 21382: 420, 422).

Отдельно следует оговорить вопросы кадрового обеспечения маршальской службы. В 1804 г. для Волынской губернии было официально санкционировано выстраивание еще одной вертикали, подконтрольной губернскому правлению. Как и в случае с судебной властью, где в уездных судах и магистратах была введена должность секретаря и канцеляристов, чьи кандидатуры одобрялись губернским правлением с последующим приобретением чинов, при маршалах, кроме канцеляриста, было разрешено принимать на службу еще двух шляхтичей, при этом все они числились на статской службе (ПСЗРИ, 1804–1805. № 21383: 422).

Характеристика устройства института поветовых маршалов была бы неполной без рассмотрения их взаимоотношений как с подчиненными – хорунжими, так и руководством. В канцелярии волынского гражданского губернатора сохранилась переписка и.о. губернатора вице-губернатора П. Грохольского за 1799 г. с жалобой ровенского хорунжего Яловицкого (избранного в 1805 г. маршалом) на своего руководителя. Причиной стали финансовые вопросы, ведь маршал вопреки указу Волынского губернского правления не собирал средства за проезд через реки и требовал от шляхты финансировать канцелярию губернского маршала (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 10-10 зв.). В своем объяснении поветовый маршал Нововойский указывал, что не знал о факте сбора от его имени денег на содержание канцелярии.

Такое развитие событий разозлило П. Грохольского, который, с одной стороны, указывал чиновнику, что не нужно было свой ответ подавать губернскому маршалу, откуда он поступил в канцелярию губернатора, а сразу подавать ему; с другой – получил и хорунжий, которому сначала нужно было выяснить спорные моменты непосредственно с руководством, а уже потом писать. В целом же вице-губернатор стал на сторону маршала, апеллируя к факту, что тот «имел большую поддержку в уезде» (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 23-23 зв.), что является свидетельством умения находить общий язык с местными элитами и находить выход из любых сложных ситуаций.

Но в то же время, когда этот же маршал начал забирать себе функции нижнего земского суда, требуя информации и выполнения своих распоряжений, в ситуацию вмешался и.о. губернатора, приказав не выходить за пределы своих полномочий (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 15 зв.-16).

Сложно выстраивались отношения с руководством. Работа поветовых маршалов корректировалась губернаторами. Во время ревизии Волыни губернатором К. Глазенаппом были выявлены нарушения в работе староконстантиновского чиновника, который должен был организовать до 15 августа 1799 г. выборы депутатов для составления «дворянской родословной книги». Чиновник же созвал шляхту уезда на 6 сентября, хотя кандидаты к тому времени уже должны были быть одобрены губернатором. Поэтому и.о. губернатора приказывал маршалу исправить ситуацию (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 35).

В 1803 г. разразился конфликт части поветовых маршалов, возглавляемых житомирским чиновником Мартином Букаром, с губернским маршалом графом Станиславом-Гжегожем Ворцелем. В 1797 г. маршалы, которые отвечали за состояние почтовых станций, начали собирать по 20 гр. с крестьянской души на их содержание. Однако новый губернский маршал вместе с частью уездных чиновников, апеллируя к удачному опыту Киевской губернии, предложил передать все почтовые станции на откуп подрядчикам с публичных торгов. М. Букар с новоград-волынским, дубенским, острожским и ровенским маршалами подкрепляли свою позицию ссылками на законы. Губернское правление оказалось в сложной ситуации и, заняв нейтральную позицию, передало решение дела на усмотрение Сената (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 411-412). Однако, рассматривая в этот же день сообщение ковельского поветового маршала о сдаче в подряд почтовой станции, губернское правление запретило всем остальным это делать, ссылаясь на решение графа Ворцеля (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 412-412 зв.) и ожидая ответа из Сената.

Уже традиционной для выборных должностных лиц была проблема с исполнительской дисциплиной. В начале 1814 г. волынский гражданский губернатор М. Комбурлей обвинил поветовых маршалов в саботаже его распоряжения о предоставлении информации о стоимости поставок рекрутов, лошадей и казаков. Трижды сановник требовал сведений, однако маршалы Заславского, Дубенского (Франковский) и Кременецкого (его заменял хорунжий Пининский) уездов не предоставили их. Последние двое переключивали свою вину на местных помещиков, которые игнорировали их требования. Губернатор строго приказывал в будущем не повторять таких действий, угрожая судом (ДАРО. Ф. 550. Оп. 1. Спр. 3. Арк. 4-5 зв.).

Волынское губернское правление вмешивалось в личные дела поветовых маршалов. В 1803 г. новоград-волынский поветовый маршал граф Л. Бнинский вынужден был рассказывать о ликвидации своей задолженности и о ходе переписки по этому поводу с «Прусской Познанской регенцией» (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 53 зв.).

Непростыми были отношения поветовых маршалов и городничих, которые отражали борьбу местной элиты с приезжими чиновниками. Противостояние прослеживается во время заседаний Волынского губернского правления. 4 августа 1803 г. вице-губернатор действительный статский советник П. Грохольский, советники 6-го класса Пономарев и 7-го класса Чигринец рассматривали рапорт острожского городничего с жалобами на поветового маршала. Первая заключалась в том, что маршал решил взыскать денег на строительство полковых зданий в городе исключительно с горожан, что вызвало протесты со стороны христианской общины.

Кроме этого, стряпчий обращался к правлению, чтобы оно приказало маршалу обеспечить строительство рабочими и лесом. Губернское правление выяснило, что к работам должны быть привлечены не только горожане, но и жители целого уезда. Городничий объяснял, что у мещан и купцов нет денег, а маршал в свою очередь утверждал, что чиновник ничего не делает для взыскания средств. Губернским чиновникам не оставалось ничего, как угрожать обеим сторонам и требовать в течение недели привести все дела в порядок. В свое оправдание маршал сообщал о невозможности найти подрядчика за такие средства и обвинял городничего в грубости во время общения.

Вторая жалоба городничего касалась неудовлетворительного состояния почтовой станции. Держатель станции объяснял, что маршал не доплатил ему 252 руб. и тем самым довел ее до неудовлетворительного состояния (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 14 зв.-15, 20, 184). В этом же ключе следует рассматривать рапорт ровенского поветового маршала Нововейского за 1798 г. с жалобами на городничего Кнутцена, который не только без разрешения отлучился из города, но и отказался проводить расследование об оскорблении шляхтича Котовского ровенскими евреями. С того момента прошло 5 лет, и по манифесту 1801 г. произошло помилование виновных, дело передали в архив (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 199 зв.).

Прогнозируемо сложными были отношения с нижним земским судом. В 1803 г. в Волынское губернское правление поступил рапорт дубенского поветового маршала Ледуховского с жалобой на полицейское учреждение, что оно не взимает с помещиков рекрутские «складочные» деньги за 1802 г., хотя чиновник регулярно об этом напоминал (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 101).

В целом же обратим внимание на отсутствие большой переписки между поветовыми маршалами и Волынским губернским правлением. За 1812 г. из 187 обращений только три были от поветовых маршалов, что свидетельствует об автономности их работы.

Что касается кадрового состава, то имперская политика поиска компромиссов с элитами была гибкой, направленной на взаимопонимание в первую очередь с локальной шляхтой. Учитывая, что полномочия поветовых маршалов прежде всего ограничивались организацией самоуправления шляхетской корпорации, не всегда лояльной к политике местных администраторов (стоит вспомнить сенаторскую ревизию Ф. Сиверса и отстранение от должности всесильного волынского губернатора М. Комбурлей), верховная власть не отступала от предложенных «Учреждениями...» 1775 г. и «Дворянской грамотой» 1785 г. правил занятия должности.

Если в случае с уездными исправниками вместо выборного принципа применялось назначение статских чиновников или военных (Shevchuk, Markevych, 2022: 15-16), то на протяжении всего периода политики косвенного руководства до Ноябрьского восстания обеспечивалась выборность. Это ставило поветового маршала в зависимость от избирателей, а учитывая не всегда популярные действия, которые он вынужден был выполнять по указаниям местных администраторов, удержаться на неоплачиваемой работе было сложно.

Кроме этого, поветовые маршалы и хорунжие были вмонтированы в имперскую систему власти. Как и от остальных назначаемых чиновников и выборных должностных лиц, от них требовали своевременного обязательного предоставления формуляров, хотя отыскать их в архивохранилище не удалось. В августе 1822 г. из канцелярии волынского гражданского губернатора поступило распоряжение всем поветовым маршалам подать до 1-го сентября формулярные списки о службе всех должностных лиц и чиновников (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 11. Арк. 352).

Анализ данных о кадровом составе корпуса поветовых маршалов Волынской губернии с 1800 по 1829 гг. позволяет прийти к ряду выводов. После прихода к власти Александра I были проведены досрочные выборы в 1802 г. (предыдущие состоялись в 1800 г.), что позволило изменить весь

кадровый корпус поветовых маршалов (удержался только в Ковельском уезде Аким Вильга, который находился на должности три срока). Хотя было предусмотрено присвоение классных чинов (статского советника), однако ни один из восьми должностных лиц (остальные четверо были не указаны) не имел российского звания, что свидетельствует об отсутствии пожалований. Вместо этого употреблялись речьпосполитские «староста», «ротмистр», некоторые были кавалерами речьпосполитских орденов св. Станислава и Белого Орла. Единственное исключение – М. Корженевский, избранный в 1805 и 1808 гг. овруцким поветовым маршалом.

Объяснение его чина (статский советник) заключается в пребывании на статской службе при екатерининском правлении, когда в соответствии с «Учреждениями...» 1775 г. происходило присвоение классных чинов. В последующий период был избран в 1797, 1800 и 1802 гг. председателем гражданского департамента Волынского главного суда (ДАЖО. Ф. 16. Оп. 3. Спр. 195. Арк. 237; Shevchuk, 2022: 561).

Должность поветового маршала была престижной, ее занимали представители уездной элиты, в том числе графы, князья. Для многих эта должность служила продолжением карьеры (стоит вспомнить автора известных мемуаров Яна Дуклана Охотского, который в 1797 г. был избран подсудком Житомирского уездного суда, в 1805 г. – житомирским хорунжим и после отставки поветового маршала М. Букара исполнял его обязанности).

Часть, как Ян Бейзим, сначала в Заславском уезде был дважды избран подкоморием (1802, 1805), впоследствии – трижды избран поветовым маршалом этого же уезда (1808, 1811 и 1814). Однако значительная часть маршалов впоследствии занимала высокие должности в судебной системе. Ю. Бачинский (1777 г. р.), начал карьерное восхождение с избрания в 1798 г. житомирским подкоморием, 1802 г. – овруцким маршалом, 1805 г. – председателем уголовного, 1811 г. – гражданского и 1814 г. – снова уголовного департаментов Волынского главного суда. Получил чин действительного камергера и имел в собственности 1035 крепостных (Шевчук, 2022: 202). Князь Д. Четвертинский в 1802 г. был избран заславским маршалом, а в 1808 г. – председателем гражданского департамента Волынского главного суда (Шевчук, 2022: 561).

Для выборных должностей традиционным было то, что не все до конца добывали каденцию. Причины этого были разнообразны: личные причины (вспомним Мартина Букара, который из-за болезни жены не смог быть до конца срока на должности житомирского маршала), разорение, состояние здоровья, потеря интереса к должности. В мемуарах Антония Пауши содержится информация о поветовых маршалах во время посещения Александром I Житомира в 1816 г. (Iwanowski, 1876: 272).

Сравнение этих данных с информацией из «Месяцесловов» позволяет понять, что только пять из 12 (42 %) должностных лиц добыли до конца каденции, которая завершалась выборами 1817 г. Четверо (33 %), которые не значатся во время выборов 1814 г., не были избраны в 1817 г., только трое (25 %) смогли подтвердить свой новый статус на выборах 1817 г. (луцкий, овруцкий и староконстантиновский маршалы).

Обратим внимание на еще одну проблему в деятельности поветовых маршалов – предоставление возможности решать свои личные дела, что требовало долгосрочных отлучек (в 1803 г. староконстантиновский маршал князь Януш Сапега рапортом в Волынское губернское правление ходатайствовал о 6-месячном отпуске для решения судебных дел (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 329)).

Анализируя данные с 1802 по 1829 гг. отметим, что в течение этого периода было 108 каденций, которые занимали 72 должностных лица (в среднем один маршал находился на должности 1,5 каденции – 4,5 года). Из общего числа должностных лиц 45 (62,5 %) занимали должность одну каденцию, 19 – две каденции (26 %), 7 – три (10 %) и один (острожский поветовый маршал Ю. Малинский) – четыре срока. В ряде уездов стоит отметить кадровую стабильность: в Острожском – за 27 лет сменилось четыре маршала, в Заславском – пять; наиболее нестабильными были Дубенский – восемь маршалов, Ровенский и Староконстантиновский – по семь; в половине уездов – по шесть.

Маршалы и хорунжие представляли уездную элиту, которая в пределах своего региона отбывала корпоративную повинность шляхетской службы. Только для троих избрание маршалом было логичным продолжением карьеры хорунжего – Тадея Микулича (1820–1829), сын которого Карл Микулич в 1853–1856 гг. был губернским предводителем дворянства, и избранных в 1826 г. Вильгельма Головинского и Казимира Кноля. При этом лишь дубенский маршал Михал Чацкий, победитель выборов 1823 г., был избран губернским маршалом. Это единственный случай, подтверждающий тот факт, что должность губернского чиновника занимали представители верхушки элиты, которые рекрутировались не из корпуса поветовых маршалов.

Характеризуя процесс устройства института поветовых маршалов, упоминалось, что они и хорунжие выполняли функции уездного предводителя дворянства, должность которого в чистом виде сохранилась во внутренних губерниях. Это дает основание выделить две группы полномочий: основные, связанные с обеспечением полноценного функционирования шляхетской корпорации, и дополнительные, прежде всего, следственные действия и несвойственные для должностных лиц дополнительные функции по распоряжению гражданского губернатора / губернского правления.

Регламентируя выборы 1805 г. в западных губерниях, согласно «Учреждениям...» 1775 г. и «Дворянской грамоте» 1785 г., законодатель определял следующие функции маршалов: обеспечение проведения шляхетских выборов и принадлежность к шляхетскому собранию, хранение и использование собранных с шляхтичей сборов, организация земских повинностей и т.п. (ПСЗРИ, 1804–1805. № 21646: 884).

Важнейшим действием, которое происходило раз в три года, для маршалов стало осуществление шляхетских выборов. Волынский губернатор М. Комбурлей (1806–1815) своим указом от 2 июня 1814 г. регламентировал порядок их организации. Учитывая, что следующая трехлетняя каденция должностных лиц начиналась с августа, до 20 июля «рекомендовалось» шляхте собраться в г. Житомире. При этом поветовые маршалы должны были иметь информацию о тех, кто не будет принимать участия. С началом собрания маршалы передавали через губернского маршала гражданскому губернатору списки всех шляхтичей, прибывших для участия. Также они представляли на сверку губернскому маршалу дворянские книги. До начала выборов уездные чиновники обязаны были подать губернскому маршалу сведения о новых помещиках и тех шляхтичах, которые не имели крестьян, но готовы были платить все необходимые платежи следующие три года. М. Комбурлей увязывал начало выборов с представлением вышеупомянутых сведений (ДАРО. Ф. 550. Оп. 1. Спр. 3. Арк. 8).

Губернатор, отвечая за состояние дел в губернии, после завершения выборов 5 августа 1814 г. не одобрил на должностях отдельных лиц. Поветовые маршалы должны были провести довыборы непосредственно в уездах (ДАРО. Ф. 550. Оп. 1. Спр. 3. Арк. 26). После одобрения на должностях поветовые маршалы приводили к присяге новоизбранных должностных лиц.

На руководителей шляхетской корпорации была возложена обязанность решать непопулярные в своей сфере финансовые вопросы. 1799 г. оказался годом становления финансовой дисциплины. Губернское правление приказало поветовым маршалам собрать «с дворянства» на содержание заседателей Волынского главного суда по их просьбе по 2 коп. с ревизской души (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 414 зв.-415). Сбор в Овручском уезде был поручен уездному судье, который собрал 400 руб. (т.е. с 20 000 крепостных), но никому их не передал, что привело к активной переписке губернского правления с маршалом (по состоянию на 1803 г. этот сбор был прекращен) (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 248). В этом же 1803 г. житомирский маршал Бержинский жаловался волыному губернатору, что шляхта медленно сдает средства на содержание присутствий и удалось получить лишь ¼ необходимой суммы.

Переписка позволяет понять механизм ликвидации задолженности: губернатор приказывал нижнему земскому суду приступить к взысканию, а маршал подавал список должников в полицейское учреждение. Согласно соответствующему распоряжению от губернатора городничий выделял необходимое число штатной команды, и взималась задолженность («экзекуция») (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 14-14 зв.). В 1829 г. во время такого взыскания задолженности помещик Нидецкий избил пятерых солдат Житомирского пехотного полка, оказал непослушание полиции и давал ложные показания в суде. Поэтому его, согласно сенатскому указу, приговорили к шестимесячному заключению в казематах Замостья, запретили участие в выборах и взыскали 264 руб. 74¼ коп. судебных расходов (ЦДИАК: Ф. 484. Оп. 2. Спр. 236. Арк. 610). Общая же сумма недоимок за первую половину 1799 г. по Житомирскому уезду составляла 6 572 руб. 72 коп. Поэтому и.о. губернатора П. Грохольский приказал заседателям Житомирского нижнего земского суда выполнять свою работу (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 14 зв.).

Верховная власть возлагала на дворянство содержание почтовых станций. Согласно указу 6 сентября 1795 г. для устройства и содержания почт в Минской, Волынской, Подольской и Брацлавской губерниях были выделены средства, которые в течение трех лет местная шляхта должна была вернуть в казну. Для Волыни эта сумма составляла 68 000 руб. Из протоколов заседаний губернского правления становятся очевидными все трудности, с которыми столкнулись поветовые маршалы. В 1799 г. вице-губернатор П. Грохольский, исполняя обязанности губернатора, даже вынужден был прямо указать житомирскому маршалу, что учреждение и содержание почтовых станций зависят от шляхты (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 44). При этом для их содержания маршал назначал из числа шляхтичей кассира, который собирал средства с помещиков и решал финансовые вопросы. В 1802 г. на функционирование почтовых станций в Кременецком и Овручском уездах собрали 1 565 руб., а непосредственно их содержал представитель местной элиты помещик Цевинский (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 457 зв.).

Учитывая важность рекрутской повинности для империи, к участию в этом процессе были привлечены уездные предводители. Главную роль в процессе набора играла казенная палата, однако за месяц до начала уездные чиновники собирались в губернский город для подготовки списков рекрутов из имений и присутствовали во время набора для внесения правок (ПСЗРИ, 1775–1780. № 14509: 416).

На поветовых маршалов была возложена обязанность контролировать сбор рекрутских «складочных» денег нижним земским судом, а уже оттуда они пересылались в уездное казначейство. 25 июля 1812 г. владимир-волынский маршал рапортовал Волыному губернскому правлению, что нижний земский суд затягивает передачу собранных средств (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 20.

Арк. 23 зв.). Через два дня губернское правление рассматривало рапорт новоград-волынского маршала, что основные имения помещиков Закулинского и Издебского находятся в Луцком уезде. Поэтому в резолюции губернского правления предписывалось луцкому нижнему земскому суду взыскать с них рекрутские «складочные» деньги и переслать их новоград-волынскому поветовому маршалу (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 20. Арк. 24 зв.-25).

Отдельной страницей в работе поветовых маршалов стала выдача различных документов для шляхты. К. Трояновский утверждал, что до 1831 г. признание дворянства осуществлялось депутатским собранием, которое состояло из уездных депутатов под руководством губернского маршалка (Трояновский, 2018: 14). Однако поветовым маршалам хватало и другой работы: не только выдача свидетельств о принадлежности к дворянству, например при поступлении на статскую службу, но и по запросу военных. В 1803 г. житомирский урядник должен был выдать свидетельство унтер-офицеру Глуховского кирасирского полка Голубовскому (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 82).

Отдельной заботой стало оформление свидетельств на выдачу шляхтичам паспортов для свободного выезда за пределы губернии (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16, 460. Арк. 87). Основанием для удовлетворения ходатайства была уплата всех необходимых сборов. Однако выдачей свидетельств в этом случае их полномочия не ограничивались, ведь в 1798 г. на них возлагалась функция контроля за шляхтой, получившей паспорта для выезда за границу. В этом году заславский поветовый маршал получил распоряжение Волынского губернского правления выяснить: вернулась ли помещица Зблевская, где она сейчас находится и есть ли в уезде ее имения (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 221 зв.).

Для защиты прав помещиков, чьи владения находились на границе уезда, маршалы привлекались к размежеванию. В июне 1799 г. главной задачей для поветового маршала оставалось участие в размежевании Староконстантиновского уезда от Проскуровского Подольской губернии (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 6). В 1803 г. уездные чиновники вместе с подкоморием и двумя депутатами от шляхты входили в состав комиссий по размежеванию Владимир-Волынского и Ковельского уездов от Литовской губернии (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 369-369 зв.).

Одной из функций поветовых маршалов была организация строительства и ремонта полковых зданий. В 1803 г. луцкий поветовый маршал сообщал рапортом о готовности материалов и рабочих для строительства зданий для эскадронов Харьковского драгунского полка, а новоград-волынский маршал – о готовности к строительству для Азовского и Подольского мушкетерских полков (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 22 зв., 25). И.о. ровенского поветового маршала Богдашевский заставлял помещиков сдавать средства на строительство полковых сооружений (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 82 зв.). Кроме этого, поветовые маршалы отвечали за обеспечение военных дровами (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 83, 135 зв.). Во время русско-французской войны 1812 г. поветовые маршалы контролировали состояние полковых конюшен (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 20. Арк. 30 зв.).

Согласно традиционной практике губернская власть привлекала поветовых маршалов к выполнению различных поручений. В 1804 г. во время разбора деятельности поветовых маршалов прокурор Литовской губернии описывал Сенату, что маршалов часто привлекают к непредвиденным «Дворянской грамотой» задачам: контролю за состоянием присутствий и публичных зданий, обеспечению дровами военных и т.п. Однако Сенат, понимая нюансы деятельности местных администраторов в условиях нехватки кадров, переложил ответственность за решение этого вопроса на министра внутренних дел, что означало сохранение status quo (ПСЗРИ, 1804–1805. № 21382: 422).

По привычной традиции поветовые маршалы привлекались Волынским губернским правлением для проведения следственных действий. Когда в 1802 г. острожский городничий показал завышенную цену на хлеб в городе, то на это обратил внимание в своем рапорте губернскому правлению уездный стряпчий. Провести следствие поручили поветовому маршалу.

В 1803 г. дубенский чиновник расследовал злоупотребления обвиненного местными евреями «частного» пристава Баторского (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 142). Громким было производство 1806 г., когда во Владимире-Волынском ограбили девять купцов-евреев. К суду были привлечены бывший поветовый маршал Холоневский и судья Радзилинский за непринятие в процессе следствия показаний пострадавшей стороны (ДАЖО. Ф. 16. Оп. 3. Спр. 2. Арк. 343). К поветовому маршалу из канцелярии волынского губернатора пересылали для следственных действий обращения помещиков о неповиновении крестьян (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 11. Арк. 352).

Дополнительной функцией, возложенной на поветовых маршалов, стало приведение к присяге иностранцев, желающих приобрести российское подданство. В 1803 г. новоград-волынский поветовый маршал обращался с рапортом в губернское правление с просьбой разрешить иностранцу принести присягу на месте из-за невозможности прибыть в Житомир по причине болезни (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 437). По распоряжению губернских властей поветовые маршалы даже отвечали за выделение земли крестьянам под застройку, чьи здания были сожжены во время карантинных действий, как это было в Дубенском уезде в 1799 г.

Во время русско-французской войны 1812 г. на поветовых маршалов была возложена функция сбора муки и круп. 9 марта того же года Волынское губернское правление рассматривало рапорт дубенского чиновника, который просил о зачислении на вторую половину года излишне собранные продукты или возвращении их помещикам (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 20. Арк. 11 зв.).

Польское Ноябрьское восстание активизировало централизаторскую политику Николая I, что имело следствием ликвидацию восстановленных элементов речьпосполитской управленческой и судебной традиций. 23 февраля 1831 г. сенатским указом, согласно повелению императора, предписывалось во всех западных, левобережных и остзейских губерниях использовать вместо маршалов термин «уездные предводители дворянства». Отметим, что при этом в самом тексте указа ни разу не употреблялся термин «маршал» (ПСЗРИ, 1831. № 4382: 186-187). Политика переименований соответственно «Учреждениям...» 1775 г. в западных губерниях была осуществлена 30 октября 1831 г. (ПСЗРИ, 1831. № 4894: 159-160), а в левобережных – 16 января 1834 г. (ПСЗРИ, 1834. № 6718: 42). 11 января 1832 г. были ликвидированы последние «обломки речьпосполитских времен» – институты хорунжих, подкомориев, коморников и возных (ПСЗРИ, 1832. № 5068: 8).

5. Заключение

Инкорпорировав правобережные территории Речи Посполитой, верховная власть Российской империи проводила гибкую политику ее утверждения в регионе. Екатерина II, хотя и проводила эксперименты с речьпосполитскими административными и судебными органами на белорусских землях после первого раздела, решила ускорить процессы унификации и на Правобережье, введя «Учреждения...» 1775 г. Уездные предводители дворянства, которые избирались на три года, были вмонтированы в систему управления шляхетским обществом. Во внимание не принимался тот факт, что в отличие от внутренних губерний, локальная шляхетская корпорация была саморегулируемой и независимой, способной самостоятельно решать свои спорные вопросы.

Политика Павла I и Александра I была более гибкой, и в отдельных вопросах они готовы были пойти на уступки местным элитам. Однако, если в судебной сфере были восстановлены отдельные элементы речьпосполитской судебной процедуры, польский язык, 3-й Литовский статут и конституции, то в сфере управления, хотя и введены были выборные должности маршалов и хорунжих, однако даже не допускалось верховной властью и местными администраторами мысли о самостоятельности для шляхетства.

От верхушки требовалось участвовать в государственных делах: собирать средства на содержание присутствий и почтовых станций, строить полковые казармы, обеспечивать войска дровами и т.п. Однако местный нобилитет не мог отказаться от выполнения указаний губернского правления, губернатора, понимая, что отказ приведет к потере общественного положения и замене назначаемыми чиновниками и т.п. Отбывая неоплачиваемую и кропотливую повинность своей шляхетской корпорации, убеждая землевладельцев платить деньги или содержать почтовые станции, проводя следственные действия при конфликтах или решая другие несвойственные дела, поветовый маршал понимал, что он, как представитель элиты, обеспечивал социальную стабильность в обществе и без его усилий имперская власть возьмет верх.

Литература

- Бардах и др., 1980 – Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. (1980). История государства и права Польши. М., 1980.
- Бовуа, 2007 – Бовуа, Д. (2007). Російська влада і польська шляхта в Україні. 1793-1830 рр. Львів, 2007.
- Верменич, 2003 – Верменич Я. (2003). Бердичів. Енциклопедія історії України: Т. 1: А-В / редкол.: В. А. Смолій та ін. Київ, 2003. С. 222.
- ДАЖО – Державний архів Житомирської області.
- ДАРО – Державний архів Рівненської області.
- Горбачевский, 1874 – Горбачевский Н.И. (1874). Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского. Вильна, 1874.
- Горизонтов, 1999 – Горизонтов Л. (1999). Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.
- Денисюк, 2013 – Денисюк, В. (2013). Волинська губернія: формування адміністративно-територіальної одиниці та системи управління (кінець XVIII – початок XIX ст.) *Минуле і сучасне Волині та Полісся: Ковель і Ковельщина в історії України та Волині*. 2013. 50: 367-371.
- Рафальський, 2009 – Рафальський, І.О. Державний архів Житомирської області: анотований реєстр описів: Фонди дорадянського періоду / ред. кол.: І.О. Рафальський та ін. Житомир, 2009.
- Долбилов, 2010 – Долбилов М. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
- Ерошкин, 1983 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
- Каппелер, 2005 – Каппелер, А. Росія як поліетнічна імперія: виникнення, історія, розпад. Львів, 2005.
- Корф, 1906 – Корф С.А. (1906). Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб., 1906.
- Мадариага, 2002 – Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

- Маркевич, 2011a – Маркевич О.В. Віце-губернатор Волинської губернії першої половини XIX століття: соціологічний портрет // *Волинські історичні записки*. 2011. 6: 121-132.
- Маркевич, 2018 – Маркевич О.В. Волинський губернатор і губернський предводитель дворянства у співпраці та суперництві за владу (кінець XVIII – перша половина XIX ст.) // *Модернізаційні процеси на Волині в XIX – на початку XX ст.* 2018. С. 105-121.
- Маркевич, 2017 – Маркевич О.В. Правовий статус предводителя дворянства в Російській імперії // *Літописець*. 2017. 12: 10-14.
- Маркевич, 2011b – Маркевич О.В. Феномен М.І. Комбурля або хроніка правління волинського губернатора // *Проблеми історії України XIX – початку XX ст.* 2011. 19: 59-72.
- Маркевич, 2012 – Маркевич О.В. Формування мережі поштових установ Волинської губернії та річпосполитський досвід / *Україна і Польща: історичне сусідство*: Збірник матеріалів міжнародної наукової конференції. Вінниця, 2012. С. 206-212.
- Месяцеслов, 1802–1827 – Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова. СПб., 1802–1827.
- Нольде, 1911 – Нольде Б. Очерки русского государственного права. СПб., 1911.
- ПСЗРИ, 1649–1913 – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1649–1913.
- Романович-Славатинский, 1870 – Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. СПб., 1870.
- Снайдер, 2012 – Снайдер Т. Перетворення націй. Польща, Україна, Литва, Білорусь, 1569–1999. Київ, 2012.
- Статути..., 2004 – Статути Великого князівства Литовського: У 3 т. Том III: Статут Великого князівства Литовського 1588 року: У 2 кн. Кн. 2. / за ред. С. Ківалова та ін. Одеса, 2004.
- Трояновский, 2018 – Трояновский К. (2018). Политика Российской империи в отношении беспоместной шляхты западных губерний. 1795–1870 гг. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2018.
- ЦДІАК – Центральний державний історичний архів України. Київ.
- Шандра, 2009 – Шандра, В.С. (2009). «Губернии на особых правах и привилегиях состоящие...» як політичний проект. *Регіональна історія України*. 2009. 3: 191-204.
- Шандра, 2005 – Шандра, В.С. (2005). Генерал-губернаторства в Україні: XIX – початок XX століття. Київ, 2005.
- Шевченко, 2009 – Шевченко Н.В. Маршалок. *Енциклопедія історії України*: Т. 6: Ла-Мі / редкол.: В. А. Смолій та ін. Київ, 2009. С. 541.
- Шевчук, 2021 – Шевчук А. Повітові та головні суди Правобережної України (1797-1831 рр.): улаштування, кадровий склад, діяльність // *Український історичний журнал*. 2021. 4: 50-64.
- Шевчук, 2022 – Шевчук А. Судова влада в житті суспільства Правобережної України (кінець XVIII – перша третина XIX ст.): монографія. Житомир, 2022.
- Degtyarev, 2013 – Degtyarev S.I. The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century) // *Bylye Gody*. 2013. 30(4): 28-35.
- Degtyarev, 2014 – Degtyarev S. The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century // *Bylye Gody*. 2014. 34(4): 554-558.
- Degtyarev, 2015 – Degtyarev S.I. Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 865-875.
- Degtyarev, Kryvosheia, 2016 – Degtyarev S.I., Kryvosheia I.I. (2016). The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century // *Bylye Gody*. 42(4): 1118-1126.
- Epsztein, 2008 – Epsztein T. Ziemianie polscy na Wołyniu w XIX i XX w. // *Niepodległość i Pamięć*. 2008. 27: 79-106.
- Lebid et al., 2019 – Lebid A.E., Shevchenko N.A., Chuikov O.E., Svechnikov V.A. The officialdom of the Russian empire: A modern historiography of the issue. Part I // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1490-1505
- Lebid et al., 2020a – Lebid A.E., Shevchenko N.A., Chuikov O.E., Svechnikov V.A. The officialdom of the Russian empire: A modern historiography of the issue. Part II // *Bylye Gody*. 2020. 55(6): 115-129.
- Lebid et al., 2020b – Lebid A.E., Shevchenko N.A., Volkov A.N., Ponomareva M.A. The officialdom of the Russian empire: A modern ukrainian historiography // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 495-507.
- Iwanowski, 1876 – Iwanowski E.A. Wspomnienia lat minionych. T. 1. Kraków, 1876.
- Shevchuk, Markevych, 2022 – Shevchuk A., Markevych O. Sprawy in Volyn Province Administrative System (end of the 18th century – 1860s) // *Eminak*. 2022. 3(39): 9-25.
- Thaden, 1984 – Thaden E.C., Thaden M.Ф. Eastern Belorussia, Lithuania, and the Right-Bank Ukraine. *Russia's Western Borderlands, 1710-1870*. Princeton, 1984. Pp. 32-56.

References

- Bardakh i dr., 1980 – Bardakh, Yu., Lesnodorskyi, B., Pyetrchak, M. (1980). Istoryia hosudarstva y prava Polshy [History of the Polish State and Law]. Moskva. [in Russian]

- Bovua, 2007** – *Bovua, D.* (2007). Rosiiska vlada i polska shliakhta v Ukraini. 1793–1830 rr. [Russian authorities and Polish gentry in Ukraine. 1793–1830]. Lviv. [in Ukrainian]
- Vermenych, 2003** – *Vermenych, Ya.* (2003). Berdychiv. Entsyklopediia istorii Ukrainy [Berdychiv. Encyclopedia of the history of Ukraine]. T. 1: A-V. Redkol.: V.A. Smolii ta in. Kyiv. P. 222. [in Ukrainian]
- DAZhO** – Derzhavnyi Arkhiv Zhytomyrskoi oblasti [State Archiv of Zhytomyr Region].
- DARO** – Derzhavnyi Arkhiv Rivnenskoj oblasti [State Archives of Rivne Region].
- Horbachevskiy, 1874** – *Horbachevskiy, N.Y.* (1874). Slovar drevneho aktovoho yazyka Severo-Zapadnogo kraia y Tsarstva Polskoho [Dictionary of the Ancient Act Language of the Northwest Territory and Kingdom of Poland]. Vilna, 397 p. [in Russian]
- Horyzontov, 1999** – *Horyzontov, L.* (1999). Paradoksy imperskoj polytyky: Poliaki v Rossii y russkie v Polshe (XIX – nachalo XX v.) [Paradoxes of Imperial Politics: Poles in Russia and Russians in Poland]. Moskva. [in Russian]
- Denysiuk, 2013** – *Denysiuk, V.* (2013). Volynska huberniia: formuvannia administratyvno-terytorialnoi odnytsi ta systemy upravlinnia (kinets XVIII – pochatok XIX st.) [Volyn Governorate: Formation of an Administrative-Territorial Unit and Management System]. *Mynule i suchasne Volyni ta Polissia: Kovel i Kovelshchyna v istorii Ukrainy ta Volyni.* 50: 367-371. [in Ukrainian]
- Rafalskyi, 2009** – *Rafalskyi, I.O.* (2009). Derzhavnyi Arkhiv Zhytomyrskoi oblasti: anotovanyi reiestr opysiv: Fondy doradianskoho period [State Archives of Zhytomyr Regoin: Annotated Register of Descriptions: Fonds of pre-Soviet period]. Red. kol.: I.O. Rafalskyi ta in. Zhytomyr. [in Ukrainian]
- Dolbylov, 2010** – *Dolbylov, M.* (2010). Russkyi kraj, chuzhaia vera: Etnokonfesyionalnaia polytyka imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II [Russian Land, Alien Faith: Ethno-religious Policy of the Empire in Lithuania and Belorussia under Alexander II]. Moskva. [in Russian]
- Eroshkyn, 1983** – *Eroshkyn, N.P.* (1983). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevoliutsyonnoi Rossii [History of state institutions in pre-revolutionary Russia]. Moskva. [in Russian]
- Kappeler, 2005** – *Kappeler, A.* (2005). Rosiia yak polietnichna imperiia: vynyknennia, istoriia, rozpad [Russia as a multiethnic empire: emergence, history, collapse]. Lviv. [in Ukrainian]
- Korf, 1906** – *Korf, S.A.* (1906). Dvorianstvo y eho soslovnoe upravlenye za stoletye 1762–1855 hodov [The Nobility and its Estates in the Century 1762–1855]. SPb. [in Russian]
- Madaryaha, 2002** – *Madaryaha, I. de.* (2002). Rossyia v epokhu Ekateriny Velikoi [Russia in the Age of Catherine the Great]. Moskva. [in Russian]
- Markevych, 2011a** – *Markevych, O.V.* (2011). Vitse-hubernator Volynskoi hubernii pershoi polovyny XIX stolittia: sotsiologichnyi portret [The Vice-Governor of the Volyn Province in the First Half of the Nineteenth Century: A Sociological Portrait]. *Volynski istorychni zapysky.* 6: 121-132. [in Ukrainian]
- Markevych, 2011b** – *Markevych, O.V.* (2011). Fenomen M.I. Komburleia abo khronika pravlinnia volynskoho hubernatora [The Phenomenon of M.I. Komburlei or the Chronicle of the Reign of the Volyn Governor]. *Problemy istorii Ukrainy XIX – pochatku XX st.* 19: 59-72. [in Ukrainian]
- Markevych, 2018** – *Markevych, O.V.* (2018). Volynskiy hubernator i hubernskiy predvodytel dvorianstva u spivpratsi ta supernytstvi za vladu (kinets XVIII – persha polovyna XIX st.) [The Volyn governor and the provincial leader of the nobility in cooperation and rivalry for power]. *Modernizatsiini protsesy na Volyni v XIX – na pochatku XX st.* Pp. 105-121. [in Russian]
- Markevych, 2017** – *Markevych, O.V.* (2017). Pravovyi status predvodyteli dvorianstva v Rosiiskii imperii [Legal Status of the Leader of the Nobility in the Russian Empire]. *Litopysets.* 12: 10-14. [in Ukrainian]
- Markevych, 2012** – *Markevych, O.V.* (2012). Formuvannia merezhi poshtovykh ustanov Volynskoi hubernii ta richpospolytskyi dosvid [Formation of a network of postal institutions in the Volyn Governorate and the Rzeczpospolita experience]. *Ukraina i Polshcha: istorychne susidstvo: Zbirnyk materialiv mizhnarodnoi naukovoï konferentsii.* Vinnytsia. Pp. 206-212. [in Ukrainian]
- Mesiatseslov, 1802–1827** – *Mesiatseslov s rospysiu chynovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestva Khrystova* [Monthly Calendar with a List of Officials in the State for the Summer of the Nativity of Christ]. SPb., 1802–1827. [in Russian]
- Nolde, 1911** – *Nolde, B.* (1911). Ocherky russkoho gosudarstvennogo prava [Essays on Russian State Law]. SPb. 1911. [in Russian]
- PSZRI** – Polnoe sobranie zakonov Rossyiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire].
- Romanovych-Slavatynskiy, 1870** – *Romanovych-Slavatynskiy, A.V.* (1870). Dvorianstvo v Rossyy ot nachala XVIII v. do otmeni krepostnogo prava [The nobility in Russia from the early 18th century to the abolition of serfdom]. SPb., 1870. [in Russian]
- Snaider, 2012** – *Snaider, T.* (2012). Peretvorennia natsii. Polshcha, Ukraina, Lytva, Bilorus, 1569–1999 [The Transformation of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999]. Kyiv. [in Ukrainian]
- Statuty..., 2004** – Statuty Velykoho kniazivstva Lytovskoho [Statutes of the Grand Duchy of Lithuania]: U 3 t. Tom III: Statut Velykoho kniazivstva Lytovskoho 1588 roku: U 2 kn. Kn. 2. Za red. S. Kivalova ta in. Odesa, 2004. [in Ukrainian]

Troianovskiy, 2018 – *Troianovskiy, K.* (2018). Polytyka Rossyiskoi imperii v otnoshenyy bespomestnoi shliakhty zapadnykh hubernyi. 1795–1870 hh. [The policy of the Russian Empire with respect to the landless nobility of the western provinces. 1795–1870]. Avtoreferat dySSERTatsii... kand. istor. nauk. SPb. [in Russian]

TsDIAK Ukrainy – Tsentralnyi derzhavnyi istorychnyi Arkhiv Ukrainy. Kyiv. [Central State Historical Archive of Ukraine. Kyiv].

Shandra, 2009 – *Shandra, V.S.* (2009). «Huberniy na osobyykh pravakh i privilehiakh sostoiashchye...» yak politychnyi proekt [«Provinces with special rights and privileges...» as a political project]. *Rehionalna istoriia Ukrainy*. 3: 191-204. [in Ukrainian]

Shandra, 2005 – *Shandra, V.S.* (2005). Heneral-hubernatorstva v Ukraini: XIX – pochatok XX stolittia [Governor Generals in Ukraine]. Kyiv. [in Ukrainian]

Shevchenko, 2009 – *Shevchenko, N.V.* (2009). Marshalok [Marshalok]. *Entsyklopediia istorii Ukrainy*: T. 6: La-Mi. Redkol.: V. A. Smolii ta in. Kyiv. [in Ukrainian]

Shevchuk, 2021 – *Shevchuk, A.* (2021). Povitovi ta holovni sudy Pravoberezhnoi Ukrainy (1797-1831 rr.): ulashtuvannia, kadrovyi sklad, diialnist [District and Main Courts of the Right-Bank Ukraine (1797-1831): Organization, Staffing, and Activities]. *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*. 4: 50-64. [in Ukrainian]

Shevchuk, 2022 – *Shevchuk, A.* (2022). Sudova vlada v zhytti suspilstva Pravoberezhnoi Ukrainy (kinets XVIII – persha tretyna XIX st.): monohrafiia [The Judiciary in the Life of the Society of Right-Bank Ukraine]. Zhytomyr. [in Ukrainian]

Degtyarev, 2013 – *Degtyarev, S.I.* (2013). The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century). *Bylye Gody*. 30(4): 28-35.

Degtyarev, 2014 – *Degtyarev, S.* (2014). The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century. *Bylye Gody*. 34(4): 554-558.

Degtyarev, 2015 – *Degtyarev, S.I.* (2015). Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 865-875.

Degtyarev, Kryvosheia, 2016 – *Degtyarev, S.I., Kryvosheia, I.I.* (2016). The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century. *Bylye Gody*. 42(4): 1118-1126.

Epsztein, 2008 – *Epsztein, T.* (2008). Ziemianie polscy na Wołyniu w XIX i XX w. *Niepodległość i Pamięć*. 2008. 27: 79-106.

Iwanowski, 1876 – *Iwanowski, E.A.* (1876). Wspomnienia lat minionych. T. 1. Kraków, 1876.

Lebid et al., 2019 – *Lebid, A.E., Shevchenko, N.A., Chuikov, O.E., Svechnikov, V.A.* (2019). The officialdom of the Russian empire: A modern historiography of the issue. Part I. *Bylye Gody*. 54(4): 1490-1505.

Lebid et al., 2020a – *Lebid, A.E., Shevchenko, N.A., Chuikov, O.E., Svechnikov, V.A.* (2020). The officialdom of the Russian empire: A modern historiography of the issue. Part II. *Bylye Gody*. 55(6): 115-129.

Lebid et al., 2020b – *Lebid, A.E., Shevchenko, N.A., Volkov, A.N., Ponomareva, M.A.* (2020). The officialdom of the Russian empire: A modern ukrainian historiography. *Bylye Gody*. 56(2): 495-507.

Shevchuk, Markevych, 2022 – *Shevchuk, A., Markevych, O.* (2022). Spravnyk in Volyn Province Administrative System (end of the 18th century – 1860s). *Eminak*. 3(39): 9-25.

Thaden, 1984 – *Thaden, E.C., Thaden, M.Ф.* (1984). Eastern Belorussia, Lithuania, and the Right-Bank Ukraine. *Russias Western Borderlands, 1710-1870*. Princeton. Pp. 32-56.

Поветовые маршалы Волынской губернии (1797–1831): организация, кадровый состав, деятельность

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}, Андрей Владимирович Шевчук ^c

^a Сумской государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Житомирский государственный университет имени Ивана Франка, Житомир, Украина

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с функционированием в рамках имперской политики сотрудничества с местной шляхтой института поветовых маршалов в пограничной Волынской губернии. На основании анализа опубликованных и архивных материалов авторами выделены основные вопросы, связанные с процессами устройства, кадрового состава и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А. Лебедь)

деятельности должностных лиц. Во времена Речи Посполитой шляхетская корпорация самостоятельно решала свои вопросы внутренней жизни, поветовые маршалы были задействованы в организации шляхетского рушения.

После инкорпорации, согласно «Учреждениям для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г., Екатерина II внедрила институт уездных предводителей дворянства с постоянно уточняющимися полномочиями.

Политика Павла I и Александра I была более гибкой и направленной на утверждение в сложном в социотническом плане регионе. Среди прочих уступок нобилитету, но при сохранении контроля за процессами в регионе было восстановлено название «поветовый маршал». При этом был сохранен набор полномочий предводителя, выборы проводились каждые три года с утверждением на должности губернатором. С одной стороны, маршалы должны были исполнять предписания верховной власти и губернских администраторов, с другой – защищать интересы своей корпорации. Поэтому в условиях неоплачиваемой работы и бюрократизации их деятельности для части представителей локальной элиты наблюдается «охлаждение» к выборным должностям.

Стремясь сохранить влияние шляхты в регионе, поветовый маршал вынужден был выполнять указания губернской власти, убеждать землевладельцев платить деньги или содержать почтовые станции, проводить следственные действия при конфликтах или решать другие несвойственные дела. При этом нобилитет, обеспечивая социальную стабильность в социуме, понимал, что без его усилий имперская власть заменит выборных должностных на назначаемых чиновников и возьмет верх.

Ключевые слова: Российская империя, Волынская губерния, уездный предводитель дворянства, поветовый маршал, шляхта, имперская политика сотрудничества с местной элитой.